

КАФЕДРА

НГ Exlibris (прил. к Независимой). 2004. 15 июля. — С. 3

Вишневый сад как райский

Божественная комедия Антона Павловича Чехова

Олег Клиг

15 июля 1904 года (по новому стилю) в немецком курортном городке Баденвейлере скончался А.П. Чехов. Как врач, Чехов давно знал, что неизлечим — тогда медицина перед туберкулезом была бессильна. И, конечно, он не мог не думать о жизни и смерти, о вечности и небытии.

Бунин отмечал двойственность Чехова по отношению к смерти: то «жизнь после смерти» считал «сущим вздором», то «...потом несколько раз еще тверже говорил противоположное: «Ни в коем случае не можем мы исчезнуть после смерти. Бессмертие — факт». Все эти размышления отразились в последней пьесе Чехова «Вишневый сад» (1904). В ней много всего, в том числе и того, чему учили и учат в школе: сад — это символ прошлого, настоящего и будущего России. Но в нем есть и другое — размышления о рае. В чем только не обвиняли Чехова при его жизни! Например, в безверии. Но тогда почему реплика Вари, где она мечтает о «пустыни», о паломничестве «по святым местам» в Киеве, Москве, можно сопоставить со словами самого Чехова, обращенными незадолго до смерти к Бунину: «Стать бродягой, странником, ходить по святым местам, поселиться в монастыре среди леса, у озера сидеть летним вечером на лавочке возле монастырских ворот...» Этих и других загадок в «Вишневом саду» много. Прошло сто лет после конца земного пути А.П. Чехова, а споры вокруг него и вокруг его последней пьесы не утихают. Это предопределено особенностью поэтики «Вишневого сада».

И еще: решением ЮНЕСКО 2004 год — чеховский.

Рай и есть сад

Чеховский сад из-за своей многозначности предстает образом, то символом, то знаком, то дискуссион. Но его можно еще рассматривать как мифологему, если под этим понимать заимствование у мифа мотива, темы или ее части — мифологему райского сада. Собственно говоря, словосочетание «райский сад» тавтологично. Как утверждает в «Библейской энциклопедии» 1891 года (чеховского времени), рай — «...слово персидского происхождения и означает сад». Правда, этимологический словарь М.Фасмера не подтверждает такое объяснение. Но С.С. Аверинцев, отмечая, что в вполне ясную этимологию слова «рай», указывает на связь его с греческим словом «парадиз» («сад», «парк»), произошедшим, в свою очередь, от

герои одноименной пьесы. В этом небрежении к своим обязанностям по отношению к саду — завязка в драме чеховских героев, которые довели имение до разорения, продажи и торгов. Они не «возделывают» и не «хранят» свои малые «Едемские сады».

От земного к небесному

Но дело не только в небрежении героев пьесы к саду. У Чехова всегда сосуществует множество смысловых рядов. Гораздо существеннее их другая вина. «В чем заключался грех первоначального человека?» — спрашивает крупнейший богослов современности владыка Иларион (Алфеев) и видит этот грех в непослушании Богу. — Гордость — это стена между человеком и Богом. Корнем гордости является эгоцентризм, обращенность на себя, самолюбие, самовозделение. До грехопадения единственным объектом любви человека был Бог, но вот появилась ценность вне Бога — дерево показало «хорошо для пищи, приятно для глаз и вожделенно»... — и вся иерархия ценностей рушится: на первом месте оказывается мое «я»... Для Бога места не остается: Он забыт, изгнан из моей жизни».

Если помнить, что чеховский вишневый сад, мифологема рая, то многое происходящее в пьесе можно передать следующим рассуждением того же богослова: «...дух, вместо того чтобы стремиться к Богу, стал душевным, страстным; душа попала во власть душевных телесных инстинктов, тело, в свою очередь, утратило первоначальную легкость и превратилось в тяжелую греховную плоть». В жизнь человека вошли болезни, страдания и скорби. Он стал смертным...»

Комедия Чехова можно рассматривать не только на архетипическом (то есть бессознательном), но и на неомифологическом (то есть сознательном) уровне как историю изгнания из рая. Обитатели вишневого сада каждый по-своему вкусили плоды запретного «перевыпаса» (по понятию добра и зла) (Бытие, 2, 16). Каждый по-своему поддался искушению змея, пусть и через учение Ницше, стать «как боги, знающие добро и зло» (Бытие, 3, 5). Каждому из героев, кто не исполнил предназначения «хранить» свой сад, предстояло нести на себе высшее наказание, уготованное Адаму: «...в поте лица будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься...» (Бытие, 3, 19).

Но помимо других обстоятельств (авторская воля, лирический подтекст и многое другое) пьеса «Вишневый сад» еще

За окнами сад, а в доме — комедия.

Ф. Славянский. Семейная картина

Здесь устойчивый к цветущему саду эпитет «белый» приобретает и другое значение — святости; белый цвет связан со святостью. В этом контексте неслучайно сначала упоминается Раневская ангелов, а затем и видение: «Посмотрите, покойная мама идет по саду... в белом платье!» Примечательна чеховская ремарка: «Смеется от радости». Это не сентиментальность (по крайней мере не только сентиментальность), не юродство (а если и юродство, то как знак близости к Богу), а то самое райское блаженство, в котором пребывают праведники на небесах и которое редко, но открывается и грешному человеку на земле. Даже Гав (впрочем, это «даже» дань поверхностной традиции не принимать его всерьез) видит в саде неземное. Ведь это он первый произносит:

Здесь устойчивый к цветущему саду эпитет «белый» приобретает и другое значение — святости; белый цвет связан со святостью. В этом контексте неслучайно сначала упоминается Раневская ангелов, а затем и видение: «Посмотрите, покойная мама идет по саду... в белом платье!» Примечательна чеховская ремарка: «Смеется от радости». Это не сентиментальность (по крайней мере не только сентиментальность), не юродство (а если и юродство, то как знак близости к Богу), а то самое райское блаженство, в котором пребывают праведники на небесах и которое редко, но открывается и грешному человеку на земле. Даже Гав (впрочем, это «даже» дань поверхностной традиции не принимать его всерьез) видит в саде неземное. Ведь это он первый произносит:

Здесь устойчивый к цветущему саду эпитет «белый» приобретает и другое значение — святости; белый цвет связан со святостью. В этом контексте неслучайно сначала упоминается Раневская ангелов, а затем и видение: «Посмотрите, покойная мама идет по саду... в белом платье!» Примечательна чеховская ремарка: «Смеется от радости». Это не сентиментальность (по крайней мере не только сентиментальность), не юродство (а если и юродство, то как знак близости к Богу), а то самое райское блаженство, в котором пребывают праведники на небесах и которое редко, но открывается и грешному человеку на земле. Даже Гав (впрочем, это «даже» дань поверхностной традиции не принимать его всерьез) видит в саде неземное. Ведь это он первый произносит:

Ад, яблони и вишни

Потому, теряя рай, вишневый рай на земле, к раю небесному стремится, осознавая то или нет, герой последней чеховской комедии. Но не все. И связано это с тем, что Чехов в своей пьесе на уровне подтекста, переплетения символики и мифологем обращается к спорам своего времени о правде небесной и правде земной, к утопическим мечтам многих мыслителей и писателей начала XX века об их соединении и о сотворении рая на земле.

Но прежде вернемся к мифологеме сада. В нем мерцают множество смыслов. Это и утраченный, а потому идеализируемый, как любое представление о рае, рай прошлого (для Раневской и Гав), и воплощение земного Едема (не только для «отцов», но и для «детей» — Ани и Вари, не в последнюю, а может быть, в первую очередь для Лопахина), и место грехопадения и изгнания из рая почти всех персонажей (может быть, исключением является Аня, хотя в комедии она все же не резонер, не положительный герой и не является исключением из комического мироздания автора), и воплощение. По крайней мере замена рая небесного, и полное отрицание существования этого небесного рая и вера только в построение рукотвор-

ного рая на земле, созданного человеком (Петя Трофимов).

Однако сад в последней пьесе Чехова предстает еще и как мифологема ада. Ада, чем предстала земная жизнь — как следствие оставленности человека Богом.

Бунин, упрекавший Чехова в том, что он имел «...весьма малое представление о дворянских поместьях, о дворянских усадьбах, о их садах...», предельно реплика Петя («...бывший учитель вашего Гриши») напоминает о том, что сад — это и место гибели сына (конечно, не сам сад, а вода была этим местом, но и Эдем соседствовал с реками). Раневская, несмотря на слова Вари («Вода Божья») ропщет, как Иов: «Мальчик погиб, утонул... Для чего? Для чего, мой друг? Но обращается она не столько к Пете, сколько через него, поверх него, к Богу.

Потому, теряя рай, вишневый рай на земле, к раю небесному стремится, осознавая то или нет, герой последней чеховской комедии. Но не все. И связано это с тем, что Чехов в своей пьесе на уровне подтекста, переплетения символики и мифологем обращается к спорам своего времени о правде небесной и правде земной, к утопическим мечтам многих мыслителей и писателей начала XX века об их соединении и о сотворении рая на земле.

В чем-то нельзя не согласиться с Буниным, который писал, что «...ничего чудесного не было и нет в вишневых деревьях, совсем некресивых, как известно, корявых, с мелкой листвою, с мелкими цветочками в пору цветения (вовсе не похожими на то, что так крупно, роскошно цветет как раз под самыми окнами господского дома в Художественном театре...)». Но у Чехова сад через свою конкретную образность выражается в это время и пространство и там, по словам Андрея Белого, в Вечном Покое, красив не только в короткий срок своего цветения, а всегда.

Правда, С.Булгаков вкладывает в уста чеховского героя слова, которых нет в окончательном тексте пьесы: «Сад ваш страшен, и когда вечером или ночью прохлещешь по саду, то... кажется, вишневые деревья видят во сне то, что было сто, две-

сти лет назад, и тяжелые видения томят их...» Но самое главное, по мысли С.Булгакова, в призыве Чехова искупить свои грехи «страданием, только необычайным, непрерывным трудом».

Красный монах

Мифологема сада отразила весь спектр русских споров о правде небесной и правде земной. В первую очередь неверие радикально настроенного поколения, социалистов в рай небесный. Обращение Трофимова к Ане «бросить» «...ключи от хозяйства... в колодезь...» можно прочесть как призыв отказаться от мечты о небесном рае — ведь это еще и ключи от небес. Потому-то Трофимов противопоставляет «вишневому саду» другой: «Вся Россия наш сад». А в далее идущих словах — противопоставление небу красоты земли: «Земля велика и прекрасна, есть на ней много чудесных мест». Так блаженству небесного рая противопоставляется красота земли, земная правда.

Приходящий ночью

Петя в четвертом действии, обращаясь к Лопахину, дает несколько иное самоопределение: «Я свободный человек»; «...я силен и горд». Это нищанство, мироощущение сверхчеловека, но самое главное декларация своей цели: «Человечество идет к высшей правде, к высшему счастью, какое только возможно на земле...»

Не принимает Чехов и другой вариант земного рая — лопахинский, который уже Мережковский называл «новым раем земным — раем лопахинским дач». На самом деле с Лопахинским все гораздо сложнее. В его монологах сад предстает в разных значениях, не только как дачный рай. Обращу внимание на то, что Мережковский именует Лопахина еще и «...проповедником вечной жизни», добавляя при этом: «первый маленький храм... старец Лука...»

У Чехова было сложное отношение к поборникам соединения правды небесной и правды земной. Одним из первых к этой идее обратился Вл. Соловьев, позднее — Д.С. Мережков-

сти лет назад, и тяжелые видения томят их...» Но самое главное, по мысли С.Булгакова, в призыве Чехова искупить свои грехи «страданием, только необычайным, непрерывным трудом».

Красный монах

Мифологема сада отразила весь спектр русских споров о правде небесной и правде земной. В первую очередь неверие радикально настроенного поколения, социалистов в рай небесный. Обращение Трофимова к Ане «бросить» «...ключи от хозяйства... в колодезь...» можно прочесть как призыв отказаться от мечты о небесном рае — ведь это еще и ключи от небес. Потому-то Трофимов противопоставляет «вишневому саду» другой: «Вся Россия наш сад». А в далее идущих словах — противопоставление небу красоты земли: «Земля велика и прекрасна, есть на ней много чудесных мест». Так блаженству небесного рая противопоставляется красота земли, земная правда.

Приходящий ночью

Петя в четвертом действии, обращаясь к Лопахину, дает несколько иное самоопределение: «Я свободный человек»; «...я силен и горд». Это нищанство, мироощущение сверхчеловека, но самое главное декларация своей цели: «Человечество идет к высшей правде, к высшему счастью, какое только возможно на земле...»

Не принимает Чехов и другой вариант земного рая — лопахинский, который уже Мережковский называл «новым раем земным — раем лопахинским дач». На самом деле с Лопахинским все гораздо сложнее. В его монологах сад предстает в разных значениях, не только как дачный рай. Обращу внимание на то, что Мережковский именует Лопахина еще и «...проповедником вечной жизни», добавляя при этом: «первый маленький храм... старец Лука...»

У Чехова было сложное отношение к поборникам соединения правды небесной и правды земной. Одним из первых к этой идее обратился Вл. Соловьев, позднее — Д.С. Мережков-

сти лет назад, и тяжелые видения томят их...» Но самое главное, по мысли С.Булгакова, в призыве Чехова искупить свои грехи «страданием, только необычайным, непрерывным трудом».

Красный монах

Мифологема сада отразила весь спектр русских споров о правде небесной и правде земной. В первую очередь неверие радикально настроенного поколения, социалистов в рай небесный. Обращение Трофимова к Ане «бросить» «...ключи от хозяйства... в колодезь...» можно прочесть как призыв отказаться от мечты о небесном рае — ведь это еще и ключи от небес. Потому-то Трофимов противопоставляет «вишневому саду» другой: «Вся Россия наш сад». А в далее идущих словах — противопоставление небу красоты земли: «Земля велика и прекрасна, есть на ней много чудесных мест». Так блаженству небесного рая противопоставляется красота земли, земная правда.

Приходящий ночью

Петя в четвертом действии, обращаясь к Лопахину, дает несколько иное самоопределение: «Я свободный человек»; «...я силен и горд». Это нищанство, мироощущение сверхчеловека, но самое главное декларация своей цели: «Человечество идет к высшей правде, к высшему счастью, какое только возможно на земле...»

Не принимает Чехов и другой вариант земного рая — лопахинский, который уже Мережковский называл «новым раем земным — раем лопахинским дач». На самом деле с Лопахинским все гораздо сложнее. В его монологах сад предстает в разных значениях, не только как дачный рай. Обращу внимание на то, что Мережковский именует Лопахина еще и «...проповедником вечной жизни», добавляя при этом: «первый маленький храм... старец Лука...»

У Чехова было сложное отношение к поборникам соединения правды небесной и правды земной. Одним из первых к этой идее обратился Вл. Соловьев, позднее — Д.С. Мережков-

сти лет назад, и тяжелые видения томят их...» Но самое главное, по мысли С.Булгакова, в призыве Чехова искупить свои грехи «страданием, только необычайным, непрерывным трудом».

Красный монах

Мифологема сада отразила весь спектр русских споров о правде небесной и правде земной. В первую очередь неверие радикально настроенного поколения, социалистов в рай небесный. Обращение Трофимова к Ане «бросить» «...ключи от хозяйства... в колодезь...» можно прочесть как призыв отказаться от мечты о небесном рае — ведь это еще и ключи от небес. Потому-то Трофимов противопоставляет «вишневому саду» другой: «Вся Россия наш сад». А в далее идущих словах — противопоставление небу красоты земли: «Земля велика и прекрасна, есть на ней много чудесных мест». Так блаженству небесного рая противопоставляется красота земли, земная правда.

Приходящий ночью

Петя в четвертом действии, обращаясь к Лопахину, дает несколько иное самоопределение: «Я свободный человек»; «...я силен и горд». Это нищанство, мироощущение сверхчеловека, но самое главное декларация своей цели: «Человечество идет к высшей правде, к высшему счастью, какое только возможно на земле...»

Не принимает Чехов и другой вариант земного рая — лопахинский, который уже Мережковский называл «новым раем земным — раем лопахинским дач». На самом деле с Лопахинским все гораздо сложнее. В его монологах сад предстает в разных значениях, не только как дачный рай. Обращу внимание на то, что Мережковский именует Лопахина еще и «...проповедником вечной жизни», добавляя при этом: «первый маленький храм... старец Лука...»

У Чехова было сложное отношение к поборникам соединения правды небесной и правды земной. Одним из первых к этой идее обратился Вл. Соловьев, позднее — Д.С. Мережков-

сти лет назад, и тяжелые видения томят их...» Но самое главное, по мысли С.Булгакова, в призыве Чехова искупить свои грехи «страданием, только необычайным, непрерывным трудом».

Красный монах

Мифологема сада отразила весь спектр русских споров о правде небесной и правде земной. В первую очередь неверие радикально настроенного поколения, социалистов в рай небесный. Обращение Трофимова к Ане «бросить» «...ключи от хозяйства... в колодезь...» можно прочесть как призыв отказаться от мечты о небесном рае — ведь это еще и ключи от небес. Потому-то Трофимов противопоставляет «вишневому саду» другой: «Вся Россия наш сад». А в далее идущих словах — противопоставление небу красоты земли: «Земля велика и прекрасна, есть на ней много чудесных мест». Так блаженству небесного рая противопоставляется красота земли, земная правда.

Приходящий ночью

Петя в четвертом действии, обращаясь к Лопахину, дает несколько иное самоопределение: «Я свободный человек»; «...я силен и горд». Это нищанство, мироощущение сверхчеловека, но самое главное декларация своей цели: «Человечество идет к высшей правде, к высшему счастью, какое только возможно на земле...»

Не принимает Чехов и другой вариант земного рая — лопахинский, который уже Мережковский называл «новым раем земным — раем лопахинским дач». На самом деле с Лопахинским все гораздо сложнее. В его монологах сад предстает в разных значениях, не только как дачный рай. Обращу внимание на то, что Мережковский именует Лопахина еще и «...проповедником вечной жизни», добавляя при этом: «первый маленький храм... старец Лука...»

У Чехова было сложное отношение к поборникам соединения правды небесной и правды земной. Одним из первых к этой идее обратился Вл. Соловьев, позднее — Д.С. Мережков-

сти лет назад, и тяжелые видения томят их...» Но самое главное, по мысли С.Булгакова, в призыве Чехова искупить свои грехи «страданием, только необычайным, непрерывным трудом».

Красный монах

Мифологема сада отразила весь спектр русских споров о правде небесной и правде земной. В первую очередь неверие радикально настроенного поколения, социалистов в рай небесный. Обращение Трофимова к Ане «бросить» «...ключи от хозяйства... в колодезь...» можно прочесть как призыв отказаться от мечты о небесном рае — ведь это еще и ключи от небес. Потому-то Трофимов противопоставляет «вишневому саду» другой: «Вся Россия наш сад». А в далее идущих словах — противопоставление небу красоты земли: «Земля велика и прекрасна, есть на ней много чудесных мест». Так блаженству небесного рая противопоставляется красота земли, земная правда.

Приходящий ночью

Петя в четвертом действии, обращаясь к Лопахину, дает несколько иное самоопределение: «Я свободный человек»; «...я силен и горд». Это нищанство, мироощущение сверхчеловека, но самое главное декларация своей цели: «Человечество идет к высшей правде, к высшему счастью, какое только возможно на земле...»

Не принимает Чехов и другой вариант земного рая — лопахинский, который уже Мережковский называл «новым раем земным — раем лопахинским дач». На самом деле с Лопахинским все гораздо сложнее. В его монологах сад предстает в разных значениях, не только как дачный рай. Обращу внимание на то, что Мережковский именует Лопахина еще и «...проповедником вечной жизни», добавляя при этом: «первый маленький храм... старец Лука...»

У Чехова было сложное отношение к поборникам соединения правды небесной и правды земной. Одним из первых к этой идее обратился Вл. Соловьев, позднее — Д.С. Мережков-

сти лет назад, и тяжелые видения томят их...» Но самое главное, по мысли С.Булгакова, в призыве Чехова искупить свои грехи «страданием, только необычайным, непрерывным трудом».

Красный монах

Мифологема сада отразила весь спектр русских споров о правде небесной и правде земной. В первую очередь неверие радикально настроенного поколения, социалистов в рай небесный. Обращение Трофимова к Ане «бросить» «...ключи от хозяйства... в колодезь...» можно прочесть как призыв отказаться от мечты о небесном рае — ведь это еще и ключи от небес. Потому-то Трофимов противопоставляет «вишневому саду» другой: «Вся Россия наш сад». А в далее идущих словах — противопоставление небу красоты земли: «Земля велика и прекрасна, есть на ней много чудесных мест». Так блаженству небесного рая противопоставляется красота земли, земная правда.

Приходящий ночью

Петя в четвертом действии, обращаясь к Лопахину, дает несколько иное самоопределение: «Я свободный человек»; «...я силен и горд». Это нищанство, мироощущение сверхчеловека, но самое главное декларация своей цели: «Человечество идет к высшей правде, к высшему счастью, какое только возможно на земле...»

Не принимает Чехов и другой вариант земного рая — лопахинский, который уже Мережковский называл «новым раем земным — раем лопахинским дач». На самом деле с Лопахинским все гораздо сложнее. В его монологах сад предстает в разных значениях, не только как дачный рай. Обращу внимание на то, что Мережковский именует Лопахина еще и «...проповедником вечной жизни», добавляя при этом: «первый маленький храм... старец Лука...»

У Чехова было сложное отношение к поборникам соединения правды небесной и правды земной. Одним из первых к этой идее обратился Вл. Соловьев, позднее — Д.С. Мережков-

сти лет назад, и тяжелые видения томят их...» Но самое главное, по мысли С.Булгакова, в призыве Чехова искупить свои грехи «страданием, только необычайным, непрерывным трудом».

Красный монах

Мифологема сада отразила весь спектр русских споров о правде небесной и правде земной. В первую очередь неверие радикально настроенного поколения, социалистов в рай небесный. Обращение Трофимова к Ане «бросить» «...ключи от хозяйства... в колодезь...» можно прочесть как призыв отказаться от мечты о небесном рае — ведь это еще и ключи от небес. Потому-то Трофимов противопоставляет «вишневому саду» другой: «Вся Россия наш сад». А в далее идущих словах — противопоставление небу красоты земли: «Земля велика и прекрасна, есть на ней много чудесных мест». Так блаженству небесного рая противопоставляется красота земли, земная правда.

Приходящий ночью

Петя в четвертом действии, обращаясь к Лопахину, дает несколько иное самоопределение: «Я свободный человек»; «...я силен и горд». Это нищанство, мироощущение сверхчеловека, но самое главное декларация своей цели: «Человечество идет к высшей правде, к высшему счастью, какое только возможно на земле...»

Не принимает Чехов и другой вариант земного рая — лопахинский, который уже Мережковский называл «новым раем земным — раем лопахинским дач». На самом деле с Лопахинским все гораздо сложнее. В его монологах сад предстает в разных значениях, не только как дачный рай. Обращу внимание на то, что Мережковский именует Лопахина еще и «...проповедником вечной жизни», добавляя при этом: «первый маленький храм... старец Лука...»

У Чехова было сложное отношение к поборникам соединения правды небесной и правды земной. Одним из первых к этой идее обратился Вл. Соловьев, позднее — Д.С. Мережков-

сти лет назад, и тяжелые видения томят их...» Но самое главное, по мысли С.Булгакова, в призыве Чехова искупить свои грехи «страданием, только необычайным, непрерывным трудом».

Красный монах

Мифологема сада отразила весь спектр русских споров о правде небесной и правде земной. В первую очередь неверие радикально настроенного поколения, социалистов в рай небесный. Обращение Трофимова к Ане «бросить» «...ключи от хозяйства... в колодезь...» можно прочесть как призыв отказаться от мечты о небесном рае — ведь это еще и ключи от небес. Потому-то Трофимов противопоставляет «вишневому саду» другой: «Вся Россия наш сад». А в далее идущих словах — противопоставление небу красоты земли: «Земля велика и прекрасна, есть на ней много чудесных мест». Так блаженству небесного рая противопоставляется красота земли, земная правда.

имея в виду, безусловно, Мережковского. Измайлов называет Чехова еще и «Никодимом, приходящим ко Христу ночью». Мережковский приходил ко Христу «днем». Но все помнят, что именно Никодим отдал последние почести телу Христа.

Чехов, конечно, знал об этой возможности обретения неба на земле. «Церковь есть земное небо, где небесный Бог живет и движется». Но этот путь был для него трудным. Он только мечтал о нем, и то изредка.

«Насадим новый сад»

При всей близости Чехову толстовской идеи, что «царство Божие внутри» человека, писатель до конца ее не разделял. Отголоски этого и многих других представлений о правде небесной и правде земной можно увидеть в монологе Ани в конце третьего действия. «Вишневый сад продан, его уже нет, это правда, правда, — говорит Аня, упирая, согласно воле Чехова, дважды на слово правда, — но не плачь, мама, у тебя осталась жизнь впереди, осталась твоя чистая, хорошая душа...» Что имеет в виду Чехов? Мы можем лишь предполагать. Но здесь и отголоски идеи «жизни после смерти» — потому она, жизнь, впереди. Не случайно и упоминание души, которая обитает в небесном рае. Почему в рае? Потому что Чехов в своей пьесе описал очищение своих героев через страдания от грехов: потому «чистая душа». Дале речь идет о небесном блаженстве: «...и радость, тихая, глубокая радость опустится на твою душу, как солнце в вечерний час...» Слова вообще-то страшные, если не забывать о христианской трактовке смерти как конце земных страданий и обретении вечности: ведь заходящее солнце — это смерть. Потому и конковка: «...и ты улынешься, мама!»

Знаменитое «Мы насадим новый сад, роскошнее этого...» не имеет отношения к трофимовскому раю на земле. Это речь и о саде духовном (толстовском), а главное — о саде райском, небесном.

Сад в последней пьесе Чехова предстает еще и как мифологема ада

У Чехова было недолгое сближение с Мережковскими. Писатель был знаком с журналом «Мир искусства». С.Дятлеву предложит в 1903 г. стать ему соредктором этого издания. Как раз из письма Чехова к Дятлеву мы знаем о его неверии в серьезность «религиозного движения» в России. Он считал это «игрой в религию». Поэтому-то, мотивируя в письме от 12 июля 1903 г. к Дятлеву отказ от предложения стать соредктором журнала, среди других причин Чехов называет и такую: «...как бы это я ушел из под одной крыши с Д.С. Мережковским, который верует определенно, верует учительски, в то же время как я давно растерял свою веру и только с недоумением поглядываю на всякого интеллигентного верующего».

Вопрос о чеховской вере решить в небольшой по объему работе невозможно, приведу только одно суждение А.А. Измайлова из статьи «Вера или неверие (Религия Чехова)», который приводил процитированное письмо Чехова к Дятлеву, но видел в этих словах другой, непохожий на Мережковского тип веры. У Чехова было «раздвоенное», но Измайлов сравнивает его с евангельским «Нафанаилом, у него были мгновения и часы священных раздумий под смоковницей. Но в эти мгновения он никого не подпускал к себе, вообще не считал веру предметом салонных или ресторанных разговоров...». Как пишет критик, он не «жонглирует словами «Бог», и «бессмертия», «Христос» и «антихрист»,

Но туда, в царствие небесное, при всей его притягательности чеховские герои стремятся лишь в редкие минуты просветления. Они меняют рай небесный на рай земной. И это в природе человека. Тот же Лопахин создает еще один суррогат земного рая — красивый, мажорный, который еще дает дождь «сорок тысяч чистого». И Варя не идет в пустыню. После катастрофы, после продажи вишневого сада «все успокоилось, повеселели даже...» — говорит Гав. С ним соглашается Раневская: «Да. Нервы мои лучше, это правда... Я сплю хорошо».

И только Фирс, у которого, по его признанию, «ничего не осталось, ничего», «силушки нет», то есть страстной, замешанной на грехе привязанности к земной жизни, идет в «белый жилетик» на небо. Лучшее ли он других, безгрешнее? Вряд ли. Но он, старый и больной, оторвал земное. «Легит неподвижно» — ремарка Чехова. Но за ней идет другая ремарка, последняя в пьесе: «Слышишь отдаленный звук, точно с неба...» Но это не смерть, а начало бессмертия, в которое, как уже говорилось выше, Чехов все же верил. Или хотел верить. Так заканчивается еще одна, чеховская «Божественная комедия», где, как у Данте, изображены ад и рай. Для этого совсем не надо спускаться в ад. Вель рай и ад — это состояние души. С Богом и без Него.

Олег Алексеевич Клиг — писатель, литературовед.

Пьеса «Вишневый сад» еще и потому комедия, что изгнание из рая земного — это начало пути к раю небесному

древнеиранского «отовсюду отгороженного места». Но в нашу задачу не входит установление зарождения слова «рай». Сама же мифологема «райского сада» восходит к одному из самых устойчивых в литературе биб